

В ЯНВАРЕ ЭТОГО ГОДА «НОВОМУ ВЕНСКОМУ ЖУРНАЛУ» ИСПОЛНИЛОСЬ **28 ЛЕТ**. К СОЖАЛЕНИЮ, **ИРИНА НИКОЛАЕВНА МУЧКИНА**, КОТОРАЯ ПРИДУМАЛА И ДО НЕДАВНИХ ПОР ИЗДАВАЛА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В АВСТРИИ, НЕДАВНО НАС ПОКИНУЛА. НАД ПЕРВЫМИ НОМЕРАМИ ОНА РАБОТАЛА ВМЕСТЕ С ХУДОЖНИЦЕЙ И ДИЗАЙНЕРОМ **АЛЛОЙ ДЕНИСОВОЙ**. АЛЛА ОТВЕЧАЛА ЗА КРАСОТУ В ЖУРНАЛЕ – РАЗРАБОТАЛА ЕГО ПЕРВЫЙ МАКЕТ, СОЗДАЛА ЕГО «ЛИЦО», ПО КОТОРОМУ «НВЖ» ЛЕГКО УЗНАВАЛИ РУССКОГОВОРЯЩИЕ ЖИТЕЛИ АВСТРИИ.

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ С АЛЛОЙ В ЕЕ УЮТНОЙ КВАРТИРЕ НЕ ПОДАЛЕКУ ОТ ГОРОДСКОГО ПАРКА И ПОГОВОРИЛИ О ТОМ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ, О ЕЕ ЖИВОМ ПЕРЕДВИЖНОМ МУЗЕЕ РУССКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА, НОВЫХ ПРОЕКТАХ И ДАЖЕ ПОБЫВАЛИ В СВЯТАЯ СВЯТЫХ ЛЮБОГО МАСТЕРА – В ЕЕ АТЕЛЬЕ.

▲ К нашему приходу Алла Денисова подготовила первый номер «НВЖ»

Фото: © Anna Komisarova

Фото: © Yulia Knecht

«ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ»

– Алла, расскажите, как родилась идея выпуска в Австрии журнала на русском языке?

– Эта идея родилась у Ирины Николаевны Мучкиной. Она пришла ко мне в галерею и предложила издавать журнал. Я согласилась. Вообще, это огромное счастье в жизни художника – сделать макет журнала или любого печатного издания. Это невероятная удача, и подобные шансы выпадают редко. Ранее я никогда не создавала макеты журналов, занималась только их оформлением. Работала, в частности, в журнале «Знание – сила» – это было очень известное российское издание, а еще оформляла книги в разных издательствах и уже тогда состояла в Творческом союзе художников России, в секции графики. Я с радостью придумала дизайн первого номера, и получился красивый, цветной журнал.

– Как долго вы готовили первый номер?

– Все получилось невероятно быстро. Мы делали его буквально на коленках – то у меня, то у Ирины Николаевны дома, между приготовлением еды и кормлением детей и мужей. А потом я шла к себе в галерею, поднималась на антресоль, к компьютеру, и работала над макетом. Я старалась сделать журнал таким образом, чтобы он был достаточно легкий в верстке, и придумала много разных вариантов.

Первый номер мы подготовили буквально за один месяц. Однако были и сложности, потому что у меня сторел компьютер – просто полыхнул огнем. И Ирина Николаевна отправила меня в Москву, в издательство журнала «Вояж». Там я за чужим компьютером верстала наш журнал.

Изначально мы планировали назвать его «Венский журнал»,

но потом знакомый художник сказал, что так называется печатное издание одной австрийской партии. Тогда мой супруг предложил название «Новый Венский журнал».

– **А кто готовил материалы?**

– В основном Ирина Николаевна. Она подбирала фотографии и тексты. Журнал был тогда совсем тоненьким – 24 полосы и изначально задумывался как информационно-просветительский. Например, мы рассказывали, какие существуют билеты на венский общественный транспорт, как местные размеры одежды перевести на наши, где в австрийской столице находятся стоянки такси.

– **На тот момент в других зарубежных странах ничего подобного на русском языке практически не выпускалось. «НВЖ» был не только интересен тем, что рассказывал об истории, культуре, архитектуре, знаменитостях Австрии, но и давал много практических советов и сразу же стал крайне востребованным у читателей.**

– Да, это так. Во-первых, на мой взгляд, это был самый красивый журнал в мире, который выпускался для русскоговорящих, проживающих за границей. А во-вторых, он на самом деле был полезен. Не надо забывать, что русские и русскоговорящие живут не только в Вене или ее окрестностях, но и в австрийских деревнях. Однажды я с показом костюмов оказалась в Форарльберге. После мероприятия меня пригласили в гости в деревню, которая находится на границе со Швейцарией. Там, высоко в горах, бродили коровы, свинки, овцы, курочки. Я попала в старый-старый австрийский дом, возраст которого насчитывал 300 лет. Он был с очень низ-

кими потолками и маленькими окошечками – для сохранения тепла. Когда я вошла в комнату, то увидела на столе толстую стопку номеров «Нового Венского журнала». Оказалось, что русскоязычная хозяйка, Любаша, их выписывает. Она поделилась, что для нее это единственный луч света, что она перечитывает статьи и пересматривает иллюстрации – и таким образом ощущает, что она не одна в другой стране, на высоте более двух с половиной тысяч метров. Было очень приятно это слышать, и такие отзывы я получала нередко – особенно от тех женщин, которые живут в провинции и не имеют возможности часто бывать в Вене.

– **Помните свои ощущения, когда первый номер вышел из печати?**

– Это было потрясающее, невероятно трепетное ощущение, когда вдруг видишь живую и можешь поддержать в руках какую-то вещь, которую ты делал на компьютере и лицезрел только на экране. Мой преподаватель по архитектурному проектированию в МАРХИ всегда говорил нам, студентам, как раз об этом: «Ребята, помните, что вы что-то нарисуете карандашиком, а строители эту балку потом потащат и положат». И у меня до сих пор остался этот трепет – когда из картинки получается какая-то реальная вещь, которую можно поддержать в руках и которая к тому же полезна.

– **Как вы выбрали творческую профессию? У вас в семье были художники?**

– Нет. Я выросла в семье дипломатов и строителей. Когда мы вернулись в Москву из Нью-Йорка, где папа работал в ООН, родители говорили, что у меня хороший английский язык и нужно развиваться в этом направлении. Одна-

ко я не считала, что английский – это профессия, но не знала, какое направление выбрать – технику или искусство. Потом в студии одного художника я узнала, что в МАРХИ изучают и технические дисциплины, и искусство. Баланс между этими дисциплинами мне очень понравился, поэтому, пройдя большой конкурс и успешно сдав шесть вступительных экзаменов, я поступила туда и закончила факультет жилищно-общественного строительства.

– **Вы что-то строили?**

– Да, я работала 10 лет архитектором. У меня 27 объектов в Москве. Я проектировала, вела авторский надзор.

– **А сейчас, когда бываете в Москве и ходите мимо этих зданий, какие ощущения у вас возникают?**

– Ощущения довольно интересные. Однажды я занималась реконструкцией одного дома в Подкопаевском переулке. Это было старое здание, но надстроенное. Позже я как-то сидела в гостях у приятелей, и один молодой человек с восторгом рассказывал о том, в какой чудесной квартире он живет. В процессе разговора он назвал именно этот адрес. Это так приятно, когда то, что ты делаешь, полезно другим. Вот как журнал!

– **Как вы относитесь к тому, что число старинных зданий в Вене постепенно сокращается, а на их место приходят новые современные постройки? Вам нравится, как меняется облик города?**

– В Москве этот процесс идет гораздо интенсивнее, чем в Вене. Но город должен развиваться. Если бы этого не происходило, то мы до сих пор жили бы в одноили двухэтажных домиках. Тут важно понять, насколько меняется ландшафт города. Например, в центре Вены нельзя возводить

постройки выше Штефансдома, и это правильно. Потому что в противном случае не будет виден символ столицы. Чтобы сохранить образ города, нужно подходить к этому вопросу разумно: что-то, что пришло в негодность или стало ветхим, конечно, требуется сносить, но что-то нужно и восстанавливать, тратя на это много средств.

У меня была выставка «Новые крыши Вены» – про нее, кстати, писал «НВЖ». Тогда только начался бум на строительство мансард – *Dachgeschoss*. Я фотографировала мансарды, а потом выставила эти фотографии в Доме архитектора в Москве и в Доме музыки в Калуге. И реакция публики была очень неоднозначной: кто-то говорил, что это «буржуазный капиталистический опыт», другие обращали внимание на технические трудности при постройке. Кстати, в Австрии при надстройке мансард не укрепляют все здание, а применяют легкие конструкции, поэтому летом в таких квартирах очень жарко, но зато вид – *Million-Dollar-View*. Многие готовы за это заплатить.

– Вы воссоздаете русские народные костюмы из разных регионов России. Как вы пришли к этому?

– Однажды, когда мой муж работал в ООН, нас пригласили на вечеринку, которую устраивала эта организация. В приглашении был указан дресс-код: либо длинное вечернее платье, либо народный костюм. Второй вариант меня озадачил – какой народный костюм? В итоге я ничего не придумала и пошла в платье. И увидела там потрясающую картину: индианок в сари из великолепной органзы, вышитой золотом, японок в гэта

фото: © Yulia Krach

▲ ▼ В мастерской Аллы Денисовой

и красивейших кимоно с поясами оби, африканок с яркими бантами на головах. Это была такая красота! А что же мы?!

Я поехала в Москву и нашла там книжку Исторического музея с русскими народными костюмами. Мои подружки, которые работали искусствоведками в столичных музеях, отвели меня в запасники. Там я увидела невероятную красоту, вкус и элегантность – роскошные ткани, жемчуг, меха. Все элементы костюма сочетались между собой и смотрелись очень гармонично.

Я вернулась в Вену и решила сшить себе русский народный костюм. В центре города зашла в магазинчик, где продают ткани для мебели, и нашла там подходящий материал. А рядом была совсем крошечная лавочка, где я купила золотую тесьму. И сшила себе сарафан, кокошник, рубаху. Почти все шила руками, выкроек у меня никаких не было – все модели пришлось конструировать самой.

Потом в готовом архангельском костюме я пошла на прием в российское посольство и там произвела фурор. А наш посол, Владимир Михайлович Гринин, увидев меня, сказал, что именно так и нужно всем одеваться.

– Сколько вы работали над этим костюмом?

– Примерно полгода.

– Сколько всего русских народных костюмов вы воссоздали?

– Семнадцать. Все они повторяют самые красивые музейные экспонаты из Исторического музея в Москве, Этнографического музея в Санкт-Петербурге, музеев Калуги, Рязани и других городов России. Некоторые я доделываю, переделываю, потому что нахожу правильные материалы. Третий костюм, который я сшила, тульский, был изначально выполнен с имитацией поневной ткани. А потом я нашла настоящую домотканую поневную ткань и переделала его.

– Такие костюмы наверняка много весят.

– Очень много. Например, рязанская кичка с рогами весит почти килограмм – и это в моем облегченном, современном варианте. Раньше делали вставки из бересты или пришивали льняные мешочки, набитые куделью, бисер тоже очень много весит – в сумме выходит до пяти

килограммов. В таких костюмах особенно не попляшешь.

– Из каких элементов состоят костюмы?

– Костюмы сами по себе очень разные. Северные костюмы кардинально отличаются от южных. Южный костюм более древний. Он состоит из рубахи, юбки-понёвы, фартука-запона или наверхника, головного убора и множества украшений. А северные костюмы – это сарафаны с разными вариантами: с душегреями, шугаями, фартуками и кокошниками – в каждой губернии был свой кокошник. А в Москве носили и понёвы, и сарафаны. По костюму можно было определить, откуда женщина, узнать ее статус, семейное положение.

– Изучая историю костюма, вы разбирали, что значит каждый узор?

– Да.

– На ваших костюмах вы выполнили узоры под себя?

– Нет. Я старалась сделать точные копии костюмов, чтобы они были как можно ближе к оригиналу. Хотела показать не придуманный мною дизайн, а то, как они выглядели на самом деле. И это было как раз самым интересным. Во время показов меня часто спрашивали: «Это все вы придумали?» А когда узнавали, что это настоящие костюмы, недоумевали, почему у нас их не носят и нигде не показывают. Иностранцы знают Кандинского, Малевича, Чайковского, Рахманинова, но не знают, что у нас есть и такой пласт культуры.

– Тем не менее вы познакомились с Карденом. Как это произошло?

– Один знакомый показал мои костюмы Пьеру Кардену, а тот за-

хотел их увидеть вживую и пригласил меня на свое девяностолетие в Париж. Чтобы порадовать месье Кардена, мой приятель предложил устроить конкурс красавиц в русских костюмах. Накануне показа девочки-модели пришли на примерку в мой номер в гостинице. Я распределила между ними наряды. Одной модели достался тамбовский костюм, и вдруг она разрыдалась: «Как вы узнали, что я из Тамбова?» Видимо, этот костюм помог своей землячке на показе – Карден присвоил ей звание первой

▲ В гостях у Аллы Денисовой мы примерили головной убор тульской молодухи и вологодский «сборник»

красавицы. А сам тамбовский костюм очень понравился Кардену. В его музее в Париже хранится много разных нарядов, но русский костюм один – мой.

– В Австрии носят национальную одежду по любому поводу: на праздники, на работу, на прогулки. Почему в нашей культуре нет такой традиции?

– К сожалению, у нас другая история. Было время, когда запрещали и методично уничтожали народные костюмы. Сейчас интерес к ним стал возрождаться, но появляется очень много китча. Я считаю, что правильные праздничные русские костюмы – очень

тяжелые, неповоротливые, жаркие – следует носить только по какому-то особенному случаю.

На каждый день нужен облегченный вариант. На моем сайте (www.alla-denissova.com) представлена созданная мною современная коллекция русского костюма. Там есть модели разной степени нарядности – ситцевые костюмы с простыми рубахами и более дорогие наряды из шелка или бархата.

– У вас кто-то заказывает народные костюмы?

– Да. Заказывают современные сарафаны. Также у меня есть детская коллекция – и для девочек, и для мальчиков. Мальчики очень быстро вырастают из рубашек, поэтому их часто передают от старшего брата к младшему.

– Какой из тех костюмов, которые вы шили, был самым сложным?

– Наверное, это торопецкий женский праздничный костюм. Я долго не могла сообразить, как сделать кокошник-шишак. Когда я начинала более 30 лет назад, не было интернета. Все пришлось придумывать самой.

– Получается, что вы – первопроходец в этой области.

– Наверное, да, первопроходец. Сейчас уже много и частных музеев, и костюмы шьют правильные, и технологии старинные возрождают. Это меня очень радует. Кстати, недавно смотрела видео на YouTube о том, почему древние славяне не ели коров, и вдруг увидела свой костюм с рогатой кичкой. И в Pintereste много моих работ.

– А чем вы сейчас занимаетесь? Шьете новые костюмы?

– У меня есть один недоделанный костюм, крайне инте-

Фотор © Юлия Креч

▲ Анна Комиссарова в головном уборе тульской молодухи и Алла Денисова с коллекцией *Philosophy of ethno elegance*

ресный, который я очень хочу завершить – тверской. Но пока мотивации нет – сейчас очень мало больших показов. Раньше часто проводились балы, посольские приемы, открытия выставок, где я принимала участие со своим Живым музеем русского народного костюма.

– **А почему музей называется живым?**

– Потому что все эти костюмы можно надеть и носить. Они шиты на размер современного человека. Рост моей бабушки составлял 150 см; если бы я надела ее рубаху и юбку – на 20 см короче, – то вся гармония была бы нарушена.

– **Будучи творческим человеком, вы же не можете сидеть без дела?**

– Верно. В начале 2019 года я стала думать, как мне объединить знания о русских и мировых костюмах, об украшениях и символах и сделать на основе этого что-то современное. Так родился проект *Philosophy of ethno elegance*. Я стала делать украшения-трансформеры с обережной символикой. Причем я выбираю такие обереги, кото-

рые понятны не только в России. Узлы, руны и символы есть во многих древних культурах.

– **Из какого материала вы их делаете?**

– Из бисера. В пандемию, когда все магазины были закрыты, я использовала тот бисер, который у меня лежал для костюмов.

– **Расскажите про символы на украшениях.**

– Обычно я делаю так, чтобы они не бросались в глаза окружающим. Владелица украшения знает, какой символ на нем изображен, и фокусирует на этом свое внимание. Например, символ «засеянное поле» означает, что поле засеяно, скоро на нем взойдут ростки – будут и здоровье, и проекты, и благосостояние.

– **Какой прекрасный знак!**

– Да. Причем этот символ есть во многих культурах – и в Китае, и в Японии, но только называется по-другому. Например, в Японии это рисовое поле. Есть маленькие и большие узлы. В России они назывались наузами, также узелки завязывают и китайцы, и индейцы. Я объединяю в своих работах разные культуры.

– **Ваша дочь или внуки занимаются творчеством?**

– Внучка Дашенька пока маленькая – ей шесть лет. Она любит наряжаться, когда бывает в моей мастерской. Дочь занимается в основном воспитанием Даши, а также делает красивые сумки и подушки в технике *петчворк*. Она придумала особую технологию, благодаря которой подушкам не страшны даже активные дети. А внук Миша, которому исполнилось 23 года, учится в *Games Academy*. Мечтает делать красивые развивающие игры. Интересуется музыкой, рисует.

– **В Вене у вас есть любимые места, где вы гуляете и черпаете вдохновение? У вас в шаговой доступности Городской парк...**

– Я очень люблю этот парк. И благодарна, что рядом есть такой уголок природы – с утками и гусями. А с вдохновением у меня никаких проблем нет. Давно представляю себе такой образ: у меня на голове стоит ведро, и туда падают идеи, а я только должна успевать их записывать. Иногда записываю, но не воплощаю. Через какое-то время собираюсь записать новые идеи, читаю старые записи и вдруг встречаю среди них те же мысли. Значит, надо делать. Если идея два раза упала в «ведро», нужно ее реализовывать.

Когда работаю, стараюсь отключать «мыслемешалку», не думать о бытовых вопросах. Тогда все получается само собой – и идеи прилетают, и бисеринки сами становятся на свои места.

– **То есть искусство не должно рождаться в муках?**

– Да. Чем легче – тем лучше. В творчестве все должно быть легко, весело и радостно.

**В гостях у Аллы Денисовой
побывали Анна Комиссарова
и Юлия Креч**